УДК 94(47).084.8
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00054

Н. А. Ломагин

Учет и контроль — основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг.

Развязанная нацистской Германией война против СССР и последовавшая затем 872-дневная осада Ленинграда немецкими и финскими войсками привела к одной из крупнейших в истории XX в. катастроф — смерти от голода сотен тысяч горожан. 28 августа 1941 г. военное командование вермахта, следуя воле Гитлера, издало приказ, согласно которому группе армий «Север» надлежало:

«1. Окружить Ленинград кольцом как можно ближе к самому городу, чтобы сэкономить наши силы. Требование о капитуляции не выдвигать.

2. Для того чтобы избежать больших потерь в живой силе при решении задачи по максимально быстрому уничтожению города как последнего центра красного сопротивления на Балтике, запрещается наступать на город силами пехоты. После подавления сил ПВО и истребительной авиации противника подлежат разрушению водопровод, склады и электростанции, которые обеспечивают жизнедеятельность города и его способность к обороне. Военные объекты и вооруженные силы противника подлежат уничтожению артиллерийским огнем. Любая попытка населения выйти из кольца должна пресекаться, при необходимости — с применением оружия»[1].

Массированные бомбардировки Ленинграда в начале сентября 1941 г. привели сперва к уничтожению бадаевских складов, а затем и ряда других важных объектов, которые имели существенное значение для переработки и хранения продовольствия[2]. В последующие месяцы город и водные коммуникации[3], по которым осуществлялись поставки ресурсов в Ленинград, подвергались разрушительным ударам с воздуха и артиллерийским обстрелам.

К началу блокады город с населением в 2,5 миллиона человек и прибывающим потоком беженцев[4] оказался перед лицом угрозы, к отражению которой оказался не готов — ресурсы неумолимо таяли, вынудив Военный совет Ленинградского фронта[5] пять раз в течение трех осенних месяцев сокращать нормы выдачи продовольствия, ограничив их с 20 ноября для рабочих и инженерно-технических работников (ИТР) 250 граммами суррогатного хлеба, а для

иждивенцев — 125 граммами. Хотя наряду с хлебом население имело право приобретать по карточкам в небольших размерах другие продукты питания (мясо и мясопродукты, рыбу, крупу, жиры и сахар), а также довольствоваться разовыми выдачами имевшихся в наличии продуктов, по данным Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области, вплоть до марта 1942 г. даже такие мизерные нормы не были в полном объеме доступны ленинградцам[6].

Почему второй по величине город Советского Союза оказался на краю гибели от голода уже через 5 месяцев после начала войны? Каким образом советское руководство планировало обеспечить его продовольственную безопасность? Что предпринималось правительством и руководством города непосредственно после нападения Германии для снабжения Ленинграда? В какой степени принятые решения были реализованы? Насколько было обоснованным решение Военного совета Ленинградского фронта увеличить нормы выдачи хлеба населению с 25 декабря 1941 г.?

Мы предлагаем обратиться к поставленным вопросам не столько в контексте продолжающихся дискуссий о персональной ответственности ленинградских руководителей за недостаточные действия по созданию запасов в доблокадный период[7], сколько с точки зрения доминировавших в Советском Союзе экономических институтов, т. е. норм и правил поведения экономических субъектов, включая государственное планирование в рамках командно-административной системы учета и контроля над производством и распределением ресурсов.

По прошествии более чем 75 лет после начала войны и блокады, когда многие документы оказались в открытом доступе и не существует государственной цензуры, можно попытаться по-новому рассказать об экономике города. Начиная с позднего советского времени в отечественной историографии почти всё пространство исследований о блокаде заняли политическая и отчасти военная история, а также история повседневности, сконцентрированная прежде всего на «смертном» времени. Собственно институтам экономического управления на центральном и местных уровнях внимания практически не уделялось, вследствие чего появилась серьезная лакуна в интерпретации экономической стороны обороны и блокады Ленинграда. Документы ГКО и СНК СССР, в частности фонды А. И. Микояна и А. Н. Косыгина, директивные и отчетные материалы Госплана СССР, решения и подготовительные материалы к ним Ленинградского ОК и ГК ВКП(б), а также документы Продовольственной комиссии Военного совета Ленфронта позволяют отчасти восполнить этот пробел.

Накануне и в годы войны значительную роль в реализации функций контроля и учета, а также оптимизации советской экономики играл Госплан СССР, имевший институт уполномоченных во всех национальных республиках и в обеих столицах. Проблема изучения деятельности этого института на местах состоит в том, что бóльшая часть источников была уничтожена. Исследователям доступны главным образом инструкции и приказы по Госплану, а также фрагментарные отчеты уполномоченных, отправленные в центр[8]. Тем не менее

документы центрального аппарата позволяют в общих чертах воссоздать сущность представлений (и, главное, практики) центральных и региональных органов власти и управления по вопросам снабжения.

Последнее перед войной совещание в Государственной плановой комиссии завершилось постановлением «Об итогах работы уполномоченных Госплана за 1940 г. и организации проверок выполнения государственного плана развития народного хозяйства Союза ССР на 1941 г.». В нем отмечалось, что уполномоченные недостаточно изучают выполнение плана перевозок, ввоза и вывоза различных грузов в пределах района для выявления нерациональных и излишне дальних перевозок и разработки мероприятий по их ликвидации. Кроме того, отсутствовала систематическая проверка водных перевозок и перевода массовых грузов (хлеба, соли, нефти, дров, леса, стройматериалов) с железной дороги на воду. Приведенный на совещании в пример другим уполномоченный Госплана по Ленинграду и Ленинградской области Л. М. Володарский «установил наличие нерационального завоза в Ленинград ряда пищевых продуктов, минеральных масел и других товаров», и многие его материалы были использованы при подготовке соответствующих решений Правительства и Экономического совета[9].

Таким образом, сокращение «нерационального завоза» ресурсов, в том числе продовольствия, было общим императивом, а местные руководители, включая Жданова, должны были его избегать. Применительно к Ленинграду отмеченные в постановлении Госплана недостатки в работе уполномоченных свидетельствовали о том, что практически вся доставка грузов в город до войны производилась по железной дороге, в то время как водные маршруты еще только предстояло освоить. Это подразумевало создание соответствующей инфраструктуры: подъездных путей, пирсов, оборудования для перевалки грузов, наконец буксиров и барж, а также принятия управленческих решений для координации работы наркоматов путей сообщения и речного флота. Эта работа стала проводиться только после начала войны, а по-настоящему была развернута лишь в связи с блокадой.

Емкость военных складов (за исключением складов КБФ[10]) существенно уступала складским помещениям на западных рубежах страны — ведь врага собирались бить на чужой территории и нарушение коммуникаций с Москвой и Ленинградом в случае войны не предусматривалось. В Ленинградском военном округе имелось 12 продовольственных складов, но непосредственно в Ленинграде находился только один (№ 175), емкость которого составляла 448 вагонов. Остальные размещались в Красногвардейске (108 вагонов), Красном Селе (280 вагонов), Луге (130 вагонов), Новгороде (339 вагонов), Выборге (290 вагонов), Пскове (337 вагонов) и еще дальше от штаба округа[11]. Емкость склада № 161 вещевого и обозно-хозяйственного снабжения Главного интендантского управления Красной армии в Ленинграде достигала 1560 вагонов[12]. Очевидно, что нарушение железнодорожных коммуникаций с Ленинградом

при отсутствии местных ресурсов[13] и незначительных запасах в системе государственных материальных резервов неизбежно и достаточно быстро при большой численности населения города могло привести к кризису

Наряду с общей установкой, ориентировавшей местные органы власти на отказ от формирования избыточных запасов, существовали и другие важные обстоятельства, которые прямо или косвенно оказывали влияние на поведение институтов управления. Накануне войны на уровне правительства обсуждалась проблема борьбы с грызунами, которые наносили серьезный урон находящимся на хранении продовольственным запасам и являлись разносчиками опасных инфекционных заболеваний. В связи с этим СНК СССР принял решение провести сплошную дератизацию крупнейших городов, прежде всего Москвы и Ленинграда осенью 1941 г., о чем, естественно, ленинградское руководство также было поставлено в известность и должно было учитывать этот фактор в работе соответствующих ведомств[14]. Хранение в неподготовленных неспециализированных строениях могло привести к большим потерям[15].

В докладной записке секретарям Горкома ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину «Итоги работы пищевой промышленности за 2-е полугодие 1941 года» отмечалось, что сырьевые ресурсы на 1 июля 1941 г. по главнейшим видам составляли: по муке — на 2 недели, по крупе — на 2,5 месяца, по мясу — на 1 месяц и 20 дней, по жирам — на 2 месяца[16].

Что известно о позиции А. И. Микояна по вопросу снабжения Ленинграда в самом начале войны? В своих воспоминаниях Микоян сообщал о несостоявшемся перенаправлении в Ленинград маршрутов с зерном, которые в соответствии с мобилизационным планом направлялись на запад страны, но были развернуты в связи с отступлением Красной армии. В фонде А. И. Микояна в ГА РФ нет никаких свидетельств того, что возможность перенаправления в начале войны в Ленинград хлеба формальным образом обсуждалась с профильными ведомствами в Москве и Ленинграде. Без координации по линии Госплана и его уполномоченного в Ленинграде, Управления государственных материальных ресурсов, Интендантского управления НКО и ряда других институтов разместить тысячи тонн зерна в городе было просто невозможно. Какие-то следы в корреспонденции Микояна с названными выше инстанциями по поводу его действий должны были остаться, однако их нет или они по каким-то причинам не сохранились.

1 июля постановлением Политбюро при СНК был создан Комитет продовольственного и вещевого снабжения Красной армии в составе: А. И. Микоян (председатель), А. Н. Косыгин (заместитель), А. В. Хрулев, В. П. Зотов и С. Г. Лукин. Ответственным секретарем Комитета был назначен М. С. Смиртюков[17], а 3 июля Сталин подписал постановление ГКО о назначении А. И. Микояна уполномоченным ГКО по вопросам снабжения Красной армии обозно-вещевым имуществом, продовольствием и горючим. Почему это важно? В условиях сложившейся к тому времени жесткой командно-административ-

ной системы управления Микоян, не обладавший соответствующими полномочиями, очевидно, вряд ли мог инициативно решать вопросы, связанные с перераспределением тысяч тонн продовольственных ресурсов. Иными словами, по крайней мере до 3 июля такое предложение от Микояна ленинградскому руководству официально вряд ли вообще могло поступить. Заметим также, что Жданов прибыл в Ленинград из отпуска 25 июня и, находясь вдали от города, не владел полной информацией по проблеме, чтобы даже в случае контакта по телефону оперативно отреагировать на него. Стоит также указать, что еще 23 июня 1941 г. бюро Ленинградского ГК ВКП(б) приняло решение использовать помещения школ и высших учебных заведений в качестве маневренного фонда на случай утраты жилья вследствие вражеских бомбардировок[18].

А что предпринималось в Москве? В начале июля 1941 г. было принято постановление СНК СССР «О регулировании завоза грузов на Ленинград водным путем в июле месяце», в котором, с одной стороны, наркомату речного флота предписывалось «в кратчайший срок доставить в г. Ленинград все суда, груженые нефтепродуктами и овсом, находящимися в пути от шлюза № 31[19] до Ленинграда, а также суда с грузами, находящимися в границах Северо-Западного пароходства. Остальные грузы, находящиеся в пути до шлюза № 31 назначением на Ленинград, Мурманск, Петрозаводск, Кандалакшу и др. пункты, — немедленно переадресовать по указанию грузовладельцев», а Ленинградскому и Вологодскому облисполкомам вменялось в обязанность организовать досрочную разгрузку судов, направляемых на Ленинград, а также переадресованных в другие пункты, мобилизовав для этого местное население, а с другой — тому же наркомату речного флота предлагалось «временно прекратить дальнейшую отправку грузов на Ленинград за исключением леса и дров в плотах и грузов, идущих по заданию военного командования» и весь свободный и освобождающийся тоннаж в Ленинграде немедленно направить для работы в пределы Шекснинского и Волжских пароходств, негабаритный морской тоннаж перевести в Архангельск, а озерный тоннаж расставить в район Онежского озера и реки Свирь, оставив необходимое количество для обеспечения перевозок по указанию военного командования[20]. Иными словами, на уровне правительства и Совета по эвакуации речи о формировании альтернативной (водной) артерии снабжения Ленинграда в июле 1941 г. не шло.

6 июля 1941 г. Микоян провел по вопросу снабжения Москвы и Ленинграда специальное совещание, по итогам которого принял ряд важных решений. В частности, он поручил ответственным работникам наркомата заготовок, а также главных управлений государственных материальных и продовольственных резервов «дать справку, из каких районов должен поступать хлеб для обеспечения потребностей населения городов Москвы и Ленинграда (не потребуется ли завоз муки с Волги)», отметив особо, что «хлеб для обеспечения потребностей населения Москвы и Ленинграда *размещать не в этих городах, а в районах, прилегающих к Москве и Ленинграду* (выделено нами. — *Н. Л.*)».[21]

Через день, т.е. 8 июля 1941 г., Микоян вновь вернулся к проблеме снабжения столиц и предложил отвечавшим за заготовки Субботину и Ершову в частности «дать справку о запасах муки и зерна в городах Москве и Ленинграде», ответить на вопрос о том, куда пропали «7 барж с овсом, направляемых в Ленинград», наконец, «дать картину хранения зерна, карту мельниц...»[22]

Что касается Смольного, то ленинградское руководство никоим образом не проявляло благодушия в части пополнения запасов. Так, 7 июля (почти синхронно с совещаниями, которые проводил Микоян) в Ленинграде на заседании руководящей комиссии ОК и ГК ВКП(б) специально рассматривался вопрос о продовольственном положении города. Было принято решение увеличить обеспеченность города мясом за счет заготовок по Ленинградской области и довести запас до 3-месячной нормы, а также принять «все необходимые меры к увеличению запасов зерна и муки в городе»[23].

Еще одной существенной проблемой, связанной с функционированием экономики Ленинграда в период войны, было обеспечение топливом и его распределение, находившиеся в ведении уполномоченного Госплана. Хотя в условиях войны задачи этого института были сформулированы в решении СНК лишь 29 ноября 1941 г., бóльшая часть функционала сохранилась еще с довоенного времени. В частности, в соответствии с постановлением СНК от 11 февраля 1940 г., уполномоченным Госплана было предоставлено право распределять электроэнергию и устанавливать очередность отпуска и планы распределения электроэнергии между потребителями по всем энергосистемам, кроме тех, по которым планы распределения и ограничения энергии устанавливались правительством. Распоряжения уполномоченных Госплана СССР в вопросах регулирования и установления ими плана распределения электроэнергии по потребителям для всех предприятий и учреждений были окончательными[24].

До октября 1943 г. аппарат уполномоченного Госплана по Ленинграду и области выполнял функции планирования производства и обеспечения материально-техническими фондами предприятий города и области. Потребность в этом была связана с резким уменьшением местных ресурсов и необходимостью организации прямой связи Ленинграда непосредственно с правительством для покрытия нужд города за счет получения ресурсов из централизованных фондов, минуя звено наркоматов[25].

В части реализации остальных функций уполномоченные Госплана не должны были подменять контролеров наркомата Госконтроля, представителей наркоматов, работников партийных и советских организаций. Правительство ориентировало их прежде всего на разработку мероприятий, необходимых для выполнения производственного плана предприятий, а также выявления резервов оборудования и материалов и неустановленного или излишнего оборудования[26].

В Ленинграде в 1941 — весной 1942 г. штат уполномоченного Госплана по Ленинграду и Ленинградской области был небольшим и насчитывал всего 15 человек, при этом в наличии имелось лишь 12 сотрудников, включая

8 специалистов[27]. К концу 1942 г. в связи с большим объемом работы он вырос до 52 штатных единиц. Наряду с руководящим составом в аппарат уполномоченного входили сектор планирования производства, сектор топлива и энергетики, группа труда, группа материальных фондов, спецчасть и управление делами[28].

В условиях крайне неудачно начавшейся войны правительство было вынуждено оперативно вносить коррективы в мобилизационный план и, по сути, осуществлять руководство экономикой в ручном режиме, в то время как на местах сохранялась определенная инерция в работе важнейших институтов. Прежде всего это касалось торговли, которая крайне неохотно шла на какие-либо ограничения, включая нормирование товаров по карточкам, и максимально долго стремилась сохранить ассортимент товаров и услуг. По-прежнему важнейшим показателем ее эффективности был товарооборот, а не наличие товарных запасов и способность удовлетворять потребности населения в долгосрочной перспективе. В рыночной составляющей хозяйственной деятельности торговли была заинтересована и банковская система города, потому что получение наличных денег вследствие торговли было необходимым и для сохранения ленинградским отделением Госбанка способности аккумулировать достаточные средства для своевременной выдачи заработной платы и пособий населению Ленинграда. Без соответствующих поступлений наличных денежных средств от населения значительно бы возросла эмиссия и, следовательно, инфляция[29]. Отметим, что зимой 1941–1942 гг. вследствие прекращения коммерческой торговли в Ленинграде город столкнулся с большим дефицитом наличных для выдачи зарплаты. Деньги в город в январе–феврале 1942 г. по настоянию А. И. Микояна доставляли самолетами[30].

В итоге в течение всего периода, который предшествовал вражеской осаде и прекращению железнодорожного сообщения с Ленинградом, происходило последовательное сокращение ресурсов, которые постепенно перетекли из рук государства к наиболее платежеспособной части населения, имевшей возможность приобретать не только нормированные товары, но и те, что реализовывались через коммерческие магазины.

Усвоив отчасти экономические уроки войны с Финляндией в 1939–1940 гг., когда в первые же дни вследствие изъятия вкладов из сберкасс и ажиотажного спроса на продовольственные товары и товары первой необходимости более чем на полгода был разбалансирован внутренний потребительский рынок, уже 22 июня 1941 г. правительство ограничило размер получения наличных денег со вкладов в сберегательных кассах 200 руб. в месяц[31]. Конечно, утрачивалось доверие к институту вкладов как таковому, в целом сокращались возможности привлечения государством свободных денежных средств населения, что вынудило правительство уже в конце августа 1941 г. снять ограничение на выдачу наличных средств с новых вкладов, которые были сделаны после 23 июня 1941 г.[32]

На недопущение создания населением значительных запасов продовольствия были ориентированы и органы милиции, препятствовавшие закупкам в больших размерах товаров длительного хранения (прежде всего сахара, крупы и консервов). При этом не обходилось и без казусов, когда приобретение, например, сахара с целью заготовки варенья оценивалось как противоправная деятельность, в чем подчас вынуждены были разбираться прокуратура и партийные органы. Показательным был инцидент, произошедший в начале войны с директором Пулковской астрономической обсерватории профессором, членом-корреспондентом АН СССР С. И. Белявским. По сообщению прокурора Ленинградской области председателю исполкома Ленинградского областного совета Н. В. Соловьеву от 29 июля 1941 г., участковый уполномоченный Пулковского оперативного пункта Слуцкого районного отдела НКВД Соколов 18 июля 1941 г. произвел обыск в доме С. И. Белявского и обнаружил у него 60 кг сахара. Сахар был изъят и передан в магазин сельпо для реализации. Однако, как установили органы прокуратуры, «оснований для производства обыска у т. Белявского Соколов не имел. Сахар закупался женой т. Белявского для варки варенья из ягод сада при Обсерватории, что обычно делалось ежегодно. О производстве необоснованного обыска сообщено начальнику Областного Управления милиции тов. Назарову для наложения на Соколова строгого взыскания и предложено возвратить т. Белявскому сахар в том же количестве, которое было изъято при обыске», — сообщал прокурор[33]. Секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов высказался за снятие Соколова с работы «за нарушение революционной законности», однако Назаров в донесении секретарю Ленинградского ОК ВКП(б) Бумагину сообщил, что Слуцкий районный отдел НКВД располагал данными о скупке сахара свыше норм обычного потребления семьей Белявского[34]. В итоге по предложению прокурора Ленинградской области, Слуцкий РО НКВД предложил Белявскому получить сахарный песок полностью, однако он взял только 20 кг, а остальные 40 кг взять отказался и написал заявление, что стоимость 40 кг сахарного песка он жертвует в фонд обороны страны. Желание Белявского РО НКВД выполнил. Назаров не согласился с мнением прокурора области, отметив, что «мероприятия Слуцкого РО НКВД были направлены на выполнение постановлений партийных и советских органов по борьбе со скупщиками, делающими запасы продуктов»[35].

Справки отдела торговли Ленгорисполкома о состоянии продовольственных ресурсов Ленинграда за период с 5 июля по 20 августа показывают, как быстро таяли запасы и происходила разбалансировка номенклатуры, когда одни продукты заменялись другими, сведя в конце концов рацион ленинградцев к хлебу, крупе, жирам и мясным суррогатам, включая консервы, а также рыбе. К 1 августа 1941 г. ситуация с продовольствием заметно ухудшилась, так как переходящих остатков основных продуктов потребления почти не осталось. Без форсированного завоза продовольствия удовлетворять потребности

в объеме существовавших норм было уже невозможно. Тем не менее только 16 августа на основании «Справки о необходимом завозе в Ленинград основных продовольственных товаров для рыночного потребления в 3 квартале 1941 года» было подготовлено Постановление СНК СССР «О создании переходящих остатков продовольственных товаров в г. Ленинграде». «В целях бесперебойного снабжения населения и внерыночных потребителей г. Ленинграда продовольственными товарами, — говорилось в постановлении СНК, — создать в Ленинграде на 1 октября 1941 г. полуторамесячные переходящие запасы по продовольственным товарам». По-прежнему бóльшая часть товаров предполагалась для рыночного использования. При этом более трети всех выделенных городу фондов надлежало поставить в город до 10 сентября 1941 г. СНК решил передать из запасов Ленинградской конторы Управления госрезервов для снабжения населения и внерыночных потребителей 15 тыс. т сахара. Завоз продовольственных товаров в Ленинград должен был обеспечить наркомат путей сообщения[36] и это при том, что противник продолжал оказывать мощное давление на защитников Ленинграда, ставя под угрозу контроль над железнодорожными коммуникациями, которые были вскоре прерваны.

Нарастание угрозы Ленинграду и неадекватность действий военно-политического руководства по защите Ленинграда привели к тому, что Сталин командировал в город группу высших должностных лиц — заместителя председателя ГКО, наркома ВМФ, командующего ВВС, начальника артиллерии Красной армии и заместителя председателя Совнаркома СССР. 26 августа в Ленинград прибыли уполномоченные Государственного комитета обороны В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Н. Г. Кузнецов, А. Н. Косыгин, П. Ф. Жигарев и Н. Н. Воронов для «рассмотрения и решения, совместно с Военным советом Главного Командования Северо-Западного направления и с Военным советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда»[37]. Эта комиссия приняла ряд важных решений, которые, однако, большей частью так и остались на бумаге. Комиссия выделила три важнейшие сферы, которые для Ленинграда надолго оставались ключевыми, — оптимизация органов военного управления, дальнейшая эвакуация предприятий и населения, обеспечение войск фронта и населения города боеприпасами и продовольствием.

Большое практическое значение имело решение прекратить коммерческую торговлю продуктами питания в Ленинграде, нормировать отпуск чая, яиц, спичек, а также осуществлять строжайший контроль над распределением продовольствия. Комиссия практически продублировала постановление СНК от 16 августа 1941 г. о создании к 1 октября 1941 г. полуторамесячного запаса продовольствия. Сложившееся в городе положение с запасами продовольствия уполномоченные ГКО сочли ненормальным как «не обеспечивающее бесперебойное снабжение Ленинграда продуктами». В связи с этим предлагалось к 1 октября отгрузить: муки пшеничной 72 тыс. т, муки ржаной 63 тыс. т, крупы

7800 т, мяса 20 тыс. т, рыбы 4 тыс. т, сельдей 3500 т, масла животного 3 тыс. т. Кроме того, комиссия ГКО постановила немедленно переселить из пригородов Ленинграда местное немецкое и финское население в количестве 96 тыс. человек[38]. Это решение, кстати сказать, в значительной степени было реализовано. По меньшей мере половина «потенциальных» противников режима смогла избежать тягот блокады, в то время как обычные ленинградцы, не пожелавшие эвакуироваться, в подавляющем своем большинстве остались в городе.

Что же можно было сделать в городе иначе, чтобы иметь бóльшие запасы в расчете на душу населения? Во-первых, нужно было эвакуировать максимально большое количество гражданского населения и тем самым сократить спрос на продовольствие; во-вторых, ограничить коммерческую торговлю и сократить вывоз продовольствия из города. К сожалению, опыт эвакуации детей в соответствии с мобилизационным планом в начале войны был печальным и породил нежелание горожан выезжать из Ленинграда, а сохранение практически без изменений коммерческой торговли привело к тому, что продовольствие из государственных фондов через магазины постепенно перешло в частные руки.

Тем временем запасы продолжали таять. Несмотря на забой скота, мяса по состоянию на 20 августа оставалось на 25,3 дня, муки — на 43,5 дня, крупы и чечевицы — на 51,1 день, жиров — на 47,4 дня[39]. 21 августа управляющий Ленинградской областной торгово-сбытовой конторы Главного управления по сбыту мясной и молочной продукции А. П. Черняев информировал секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) П. Г. Лазутина и заместителя председателя Ленгорисполкома И. А. Андреенко о том, что «резкое сокращение остатков мяса и масла животного вызывает большую тревогу за дальнейшее бесперебойное снабжение Красной армии, флота и населения города Ленинграда. По состоянию на 20 августа остатки мяса и масла со всеми резервами и фондами составляют: мяса — 6500 тонн, масла — 2282 тонны». При этом план завоза мяса и масла были сорван: вместо 1700 т мяса за 20 дней августа было завезено всего лишь 23 т, а масла не завозилось вовсе[40].

Для «реального обеспечения форсированных отгрузок мяса и масла в Ленинград», основываясь на практике прошлого, Черняев просил санкционировать организацию специальных бригад ответственных работников Ленинградской конторы Главмясомолсбыта, которые бы участвовали в формировании и сопровождении до Ленинграда эшелонов с продовольствием. При этом для быстрого и организованного продвижения маршрутов предлагалось снабдить этих товарищей удостоверениями ленинградских директивных организаций и Интендантского управления фронта на имя военных комендантов для оказания практической помощи в пути следования и на железнодорожных узлах. Более того, предлагалось войти в правительство с ходатайством об отгрузках по сентябрьскому плану, так же как и в третьей декаде августа, военным транспортом[41].

Андреенко на предложения Черняева отреагировал в духе сложившихся отношений с центром: прежде чем что-то просить, необходимо представить данные об использовании местных сырьевых ресурсов. В резолюции, адресованной одному из своих подчиненных по Управлению торговли, Андреенко написал: «Необходимо с т. Черняевым эти расчеты привести. С учетом их я буду решать вопрос о направлении людей»[42].

После наступления блокады практика выбивания предназначенных для города фондов посредством направления в основные пункты отгрузок наделенных особыми полномочиями функционеров стала весьма распространенной. Количество разного рода работников, действовавших от имени уполномоченного ГКО, командования фронтом, председателя горисполкома или секретарей горкома партии, доходило от нескольких десятков до сотни, судя по выданным им именным мандатам[43]. Об эффективности их работы никаких сведений в архивах не отложилось. Помимо нерасторопности местных органов власти, которым надлежало осуществлять своевременную отправку продовольствия в адрес Ленинграда, проблемы возникали при транспортировке по железной дороге, где приоритетными были военные перевозки. Только после того, как по настоянию А. И. Микояна было принято решение о направлении в Ленинград грузов совместно для нужд фронта и города с последующим распределением среди военных и гражданских, эту проблему удалось решить.

Со второй половины августа 1941 г. общая стратегия ответственных за заготовки и формирование продовольственных резервов в Ленинграде состояла в том, чтобы оказывать давление на правительство по разным направлениям. В связи с этим они готовили подробные регулярные (почти ежедневные) справки о наличии продовольствия в Ленинграде для секретарей горкома ВКП(б), прежде всего П. Г. Лазутина и заместителя председателя Ленгорисполкома И. А. Андреенко, с тем чтобы они входили в правительство и профильные наркоматы, «так как поступление совершенно прекратилось как зерна, так и муки и крупы». При этом в разговорах с Москвой и телеграммах они настаивали на полном выполнении плана завоза, «потому что больше просить нам не нужно пока, а меньше нельзя»[44].

В ряде случаев наряду с нерасторопностью работников транспорта имели место факты и прямого саботажа указаний директивных органов о выделении продовольственных ресурсов Ленинграду. Например, мурманские организации отказались выполнять постановление СНК от 26 августа 1941 г. об отгрузке в Ленинград 1500 т рыбы и 1 тыс. т сельди. Заместитель наркома рыбной промышленности доложил 28 августа А. И. Микояну, что, по сообщениям Мурманской конторы Главрыбсбыта, «мурманские организации запрещают вывоз рыбы из Мурманска». Причина такого поведения состояла в том, что по состоянию на 19 августа в Мурманске имелось в наличии 3 тыс. т рыбы, 1700 т сельди и 548 туб консервов, т. е. местным органам власти предлагалось отдать более половины имевшихся у них ресурсов в условиях неопределенности

с пополнением собственных запасов[45]. В любом случае, промедление даже в день-два в тот момент означало, что в Ленинград рыбу завезти по железной дороге уже не удастся.

Что же касается центральных органов управления, они не оставляли Ленинград без внимания: сперва по линии правительства и отдельных наркоматов, а со второй половины августа — и Государственного комитета обороны. Документы ГКО свидетельствуют о том, что Кремль неоднократно обращался к вопросу о положении вокруг Ленинграда, однако не представлял себе наиболее опасных вариантов развития ситуации даже на ближайшее время. Принятые в Москве решения, несмотря на все благие намерения готовивших их работников, впоследствии не реализовывались. График бесперебойного снабжения Ленинграда продовольствием, разработанный А. И. Микояном, оказался не выполненным. Нарком путей сообщения Л. М. Каганович, на которого вместе с А. И. Микояном была возложена задача срочной отгрузки и доставки продовольствия в Ленинград, вскоре докладывал Сталину, что «с 14 часов 29 августа движение поездов с Ленинградом прервано по всем линиям»[46]. Принимая это во внимание, 30 августа 1941 г. ГКО принял подготовленное А. И. Микояном распоряжение № 604сс «О транспортировке грузов для Ленинграда», в котором перед рядом наркоматов были поставлены очень четкие задачи по доставке боеприпасов, горючего и продовольствия и впервые задача транспортировки грузов в Ленинград была возложена не только на наркомат путей сообщения, но и наркоматы военно-морского и речного флотов. Очевидно, что это можно и нужно было сделать ранее, создавая альтернативные логистические цепочки, тем более что не использовавшиеся ресурсы у наркомата речного флота имелись.

ГКО обязал, в частности, наркомат путей сообщения направлять ежедневно начиная с 31 августа на ст. Лодейное Поле по 8 маршрутов продовольствия и по 2 маршрута боеприпасов и вооружения и 1 маршрут горючего. При этом наркомат военно-морского флота и наркомат речного флота должны были выделить 75 озерных барж водоизмещением по 1 тыс. т и 25 буксиров, обеспечив курсирование непрерывно по 12 барж с грузом от пристани Лодейное Поле до Ленинграда. Для перевозки горючего из Лодейного Поля для Ленинграда наркомату ВМФ надлежало выделить один нефтеналивной танкер, наркомату речного флота — 8 наливных барж с буксирами. Флотским работникам вменялось в обязанность подготовить немедленно фронт разгрузки в районе ст. Ладожское озеро для направления в случае необходимости этих барж на разгрузку.

Кроме того, на НКПС возлагалась задача направлять ежедневно начиная с 31 августа на ст. Волховстрой по два маршрута продовольствия для перевалки в речные суда, а наркомату речного флота предстояло подавать ежедневно начиная с 1 сентября по 7 барж и организовать доставку в Ленинград перевалочных грузов двух маршрутов ежедневно.

Выполнение погрузочно-разгрузочных работ возлагалось на наркомат обороны, а организация перевозки по водным путям — на наркомат ВМФ. Обеспечение охраны железнодорожных и водных транспортов возлагалось на главкома К. Е. Ворошилова[47].

Однако работа комиссии ГКО в Ленинграде знаменательна еще и тем, что она побудила руководство государством впервые в ходе войны упорядочить распределение имевшихся в стране ресурсов. Ленинград явился в известном смысле поводом и причиной для наведения порядка в целом в деле учета, распределения и транспортировки ресурсов.

5 сентября 1941 г. ГКО стал считать понесенные за первые два с половиной месяца войны потери и разбираться с вопросами обеспечения действующей армии. Сама постановка вопроса и характер предположения о численном составе действующей армии (с точностью до 1 млн человек) весьма показательны, чтобы понять ситуацию, в которой оказалась власть по окончании летней кампании. Было очевидно, что потери огромны и положение с продовольствием также критическое. Это важно иметь в виду, и анализируя проблему помощи центра Ленинграду в условиях блокады.

Рассмотрев «вопрос наркомата обороны», ГКО своим решением № 633сс создал комиссию в составе А. И. Микояна, Б. М. Шапошникова, А. В. Хрулева, Е. А. Щаденко, А. Н. Косыгина, Л. З. Мехлиса и Г. М. Маленкова, которой в трехдневный срок надлежало представить проект постановления по следующим вопросам:

«1) о выявлении мертвых душ по линии численности армии и соответствующем сокращении последней приблизительно до 7–8 миллионов человек

2) о разбивке армии на 3–4 категории, с сокращением пайков для менее важных категорий»[48].

Комиссия закончила свою работу лишь 11 сентября, подготовив распоряжение ГКО № 660ссов от 11 сентября 1941 г., в котором устанавливалась численность Красной армии на сентябрь и IV квартал 1941 г.:

«Установить отпуск продовольственных пайков Красной армии <...> на численность в количестве 7 400 000 человек.

1. Утвердить распределение пайков по фронтам и округам, исходя из следующей численности:

<...> Карельский фронт — 185 000

Ленинградский фронт — 452 000

Северо-Западный фронт — 252 000

Ленинградский военный округ — 45 000»[49].

12 сентября 1941 г. ГКО с целью упорядочения снабжения продовольствием и фуражом Красной армии постановил создать на фронтах и в армиях переходящие запасы продовольствия в следующих размерах: Карельский фронт — на 30 суток. Ленинградский фронт — 20 суток. Остальные фронты и отдельные армии — на 15 суток[50].

6 сентября 1941 г. председатель Ленгорисполкома П. С. Попков сообщил в ГКО, что запасов продовольствия в городе осталось очень мало, и просил ускорить его доставку. По данным ГКО, продовольственных ресурсов в городе имелось существенно больше. С тем чтобы разобраться в ситуации, а также с целью контроля над правильным расходованием продовольственных ресурсов, предназначенных для снабжения населения Ленинграда и войсковых частей Ленинградского фронта, и своевременного информирования Государственного комитета обороны о фактах нарушения экономии в деле расходования, по настоянию А. И. Микояна, ГКО установил должность уполномоченного Государственного комитета обороны по снабжению населения г. Ленинграда и войск Ленинградского фронта. В соответствии с решением ГКО № 651с, уполномоченным по снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда продовольствием был назначен нарком торговли РСФСР Д. В. Павлов, а его помощником по снабжению войск продовольствием — Д. Ф. Кокушкин[51]. Статус Павлова позволял ему отдавать указания в сфере расходования продовольствия, обязательные как для военных, так и для гражданских органов.

Основными направлениями работы в городе стали наряду с завозом ресурсов из централизованных фондов поиск внутренних резервов и производство пищевых заменителей. На кондитерской фабрике им. Микояна и Ленмясокомбинате было организовано производство концентратов (каши, супы и др.), которых для армии выпустили 556,5 т. Ввиду отсутствия сырья для производства маргарина Жиркомбинатом освоено производство компаунд-жиров. Всего их было выпущено 4100 т[52]. Кроме предприятий треста хлебопечения, сушка сухарей для армии была организована на всех пивоваренных заводах и макаронной фабрике, которые произвели 8392 т продукции.

Для предотвращения заболеваний цингой на ряде предприятий города было организовано производство хвойного настоя с содержанием витамина С, которого удалось выработать 2 700 тыс. человеко-доз. Кроме того, фасовочно-маринадный комбинат выпускал в пакетах хвойные иглы для приготовления витамина непосредственно самим населением. Всего этот комбинат выпустил 50 тыс. пакетов или 250 тыс. человеко-доз. Спрос на хвойный настой в городе и армии был исключительно велик и сдерживался только завозом сырья из-за плохой работы транспорта.

Для увеличения хлебных ресурсов после совещаний с научными работниками города по предложению проф. В. И. Шаркова было организовано производство пищевой целлюлозы из хлопка и целлюлозы. Всего было переработано 733 т сырья.[53]

Промышленность стала выпускать хлеб с примесью до 30 % целлюлозы, она также применялась в кондитерской промышленности и общественном питании. В целом, по данным на 1 января 1942 г., различные дополнительные виды хлебопродуктов и заменители дали увеличение хлебных ресурсов на 39 551 т[54].

Вместе с различными заменителями крупы использование суррогатных хлебопродуктов дало возможность во время блокады 2 месяца обеспечивать снабжение города хлебом и крупой.

В качестве компонентов при выработке мясной продукции использовались соленые кишки, соевая мука, технический альбуминат, соевый шрот, желатин. Всего было переработано 1630 т заменителей и выпущено дополнительно 1520 т мясопродуктов[55].

В молочной промышленности было использовано 360 т сои и 100 т жмыха, что дало дополнительно 3163 т молочных продуктов, в том числе: соевых молочных продуктов (молоко, простокваша, кефир) — 1966,9 т, соевого шрота (для изготовления сырников, примеси к мясу и другим продуктам) — 732,2 т, котлет и котлетной массы из жмыха и шрота — 393,5 т, желе — 71,2 т[56].

Кроме того, предприятиями города было использовано при изготовлении сметаны 683,8 т соевого молока. До блокады соевое молоко и сырники в молочной промышленности нигде не вырабатывались. Новые кисломолочные продукты по своим диетическим свойствам не уступали аналогичным продуктам из коровьего молока.

В кондитерской промышленности благодаря изменению рецептур, снижению сахара до 30 %, введению новых наполнителей, кокосовой и жмыховой муки, целлюлозы, соевой муки, мелассы и сахарина было выпущено дополнительно 3640 т шоколада, конфет и кондитерских изделий.

В макаронной промышленности в качестве компонента переработано 495 т жмыховой муки и выпущено дополнительно 489 т макарон[57].

Таким образом, применение пищевых заменителей дало возможность в общей сложности снабжать город основными видами продукции в течение 2 месяцев. Наконец, по указанию ГК ВКП(б) в порядке мобилизации внутренних ресурсов райкомы ВКП(б) провели работу по выявлению продовольственных ресурсов на всех предприятиях города, в результате было изъято: хлебопродуктов — 25411 т, масла растительного — 371,4 т, масла животного и жиров — 22 т, мясопродуктов — 20,3 т, скота живого — 115 голов, спирта — 19630 л, овощей — 22,8 т, молочных продуктов — 20,1 т, разных продовольственных товаров — 191,9 т.

Через системы мясокомбината, Мясотреста и Главресторана были организованы убойные пункты по скоту, получившему травмы в результате бомбежек и вражеского обстрела. Они располагались как внутри города, так и в непосредственной близости к линии фронта, в их числе было несколько передвижных. В результате было переработано 400 т конского мяса.

После обнаружения в одном из складов завода Степана Разина под полом зернопродуктов были вскрыты полы всех складов хлебных помещений и солодовен пивоваров. Таким образом было получено 389 т зернопродуктов[58].

Что же касается завоза в город продовольствия, то задания, установленные ГКО, в течение осени 1941 г. не выполнялись. До второй половины сентября на подступах к Ленинграду велись ожесточенные бои, сопровождавшиеся

массированными атаками противника на транспортные коммуникации. А. В. Хрулев информировал А. И. Микояна о недостатке озерных барж и буксиров, низком темпе разгрузки барж в Осиновце и вследствие этого недостаточной оборачиваемости барж[59]. Наконец, осенние штормы очень затруднили действия, призванные надежно связать Ленинград с Большой землей. Водные перевозки начались только 12 сентября 1941 г., после проведения необходимых дноуглубительных работ, оборудования фарватеров и строительства причалов. Осенняя навигация 1941 г. была очень короткой и закончилась 15 ноября. Из-за штормов она нередко прерывалась. Например, с 23 по 27 октября ни одно судно не смогло выйти в рейс. В течение 28 дней (с 23 октября по 20 ноября) регулярного сообщения по Ладоге не было[60].

Всего же на западный берег Ладожского озера было доставлено около 60 тыс. т различных грузов, из них — 45 тыс. т продовольствия. Очевидно, что при ежедневном расходе от 1100 до 622 тыс. т муки в день в период до 20 ноября 1941 г. доставленных в Ленинград продуктов было явно недостаточно. Практически всё продовольствие сразу же расходовалось. Количество эвакуированных водным путем также было незначительным и составило всего 33,5 тыс. человек[61].

Подвоз продовольствия авиацией, начавшийся в ноябре[62] для нужд защитников и населения Ленинграда, в принципе не мог обеспечить не только создания запасов, но даже удовлетворить пятой части потребностей фронта и города. Тем не менее в условиях, когда Тихвин был захвачен противником, это был единственный более или менее надежный способ доставки продовольствия, причем высококалорийного. Однако эффективность «воздушного моста» была существенно ниже запланированных ГКО 200 т в сутки и за ноябрь–декабрь 1941 г. в среднем составляла всего около 70 т в день.

11 декабря 1941 г. уполномоченный Военного совета Ленинградского фронта по воздушным перевозкам А. П. Петров направил членам Военного совета фронта А. А. Жданову, А. А. Кузнецову и Н. В. Соловьеву докладную записку, в которой говорилось о серьезных организационных проблемах с обеспечением работы этого «воздушного моста» и о фактическом провале всей операции.

«Докладываю вам о том, что решение Государственного комитета обороны о переброске самолетами 200 тонн продовольствия ежедневно в Ленинград не выполняется.

Основными причинами срыва выполнения задания являются:

1. Существующая неразбериха и сумятица в подчиненности, параллелизм в руководстве как следствие большого количества начальников и уполномоченных (5 чел. от ГВФ, 4 чел. от ВВС, 4 чел. от нач. тыла, 2 уполномоченных Военного совета, 3 уполномоченных исполкома и др.).

2. На линии работают 28 дугласов вместо 50, 15 ТБ-3 вместо 36, несмотря на то что в распоряжении представителя ГВФ полковника Шарыкина имеется около 70 дугласов.

3. Самолеты не обеспечивают ежедневно двух рейсов (за редким исключением), потому что поздно выпускают в воздух самолеты утром с далеко расположенных точек базирования, с большим запозданием передаются сведения о погоде, задерживается сопровождение, полки которого подчинены ВВС.

4. Не выполняются ряд оперативных заданий Военного совета фронта (посылка самолета в Новинку, Москву, Вологду и др.)

5. Недостаточно организована работа по погрузке и выгрузке самолетов (задержка во времени, хищение) командами, подчиненными начальнику тыла.

6. На взлете и при посадке в Хвойной, Кушеверах, Подборовье разбито 4 машины. Об этом Военному совету не доложено. Кроме того, 9 декабря 1941 г. самолет пилота Холодняка в 20 км от Хвойной разбился, погиб экипаж, об этом также полковник Шарыкин В. С. не докладывает. Часть машин из 70 разослана неизвестно куда, часть машин бесконечно долго ремонтируется, а в итоге Ленинград недополучает продовольствие и снижено число действующих рейсов.

Для улучшения работ по авиатранспортным перевозкам и обеспечению привоза в Ленинград 200 т продовольствия ежедневно считаю необходимым:

1. Все приданные правительством Ленфронту самолеты (Дуглас, ТБ-3, истребители) объединить в один отряд, которому присвоить название «Авиатранспортный отряд Военного совета фронта».

2. Присвоить уставные и административные права Уполномоченному Военного совета по воздушным перевозкам и назначить его (или другого) начальником отряда транспортных самолетов Военного совета фронта с подчинением члену Военного совета по тылу.

3. Подчинить начальнику отряда личный состав кораблей, аэродромов, военных комендантов аэродромов, аппарат по выдаче посадочных талонов на самолеты.

4. Перебазировать самолеты Дуглас и ТБ-3 в район Тихвина, а истребительные полки — в Ленинград и Тихвин[63].

Установить рейсы Ленинград–Тихвин, отменив регулярные полеты в Подборовье, Хвойную, Кушеверы, Череповец.

Обязать начальника тыла по железнодорожным перевозкам обеспечить доставку продовольственных грузов на новые точки базирования транспортных самолетов.

5. Освободить от вмешательства в оперативную работу представителей ГВФ ВВС и различных уполномоченных.

6. Обязать начальника тыла учредить военную комендатуру на аэродромах Тихвина, обеспечить перевозку продуктов с накладными и обязательно с сопровождающим в каждом самолете.

7. Обязать начальника ГУ ГВФ вернуть Ленфронту разосланные в различных направления его аппаратом самолеты Дуглас.

8. Обязать авиаремонтные базы Ленинграда обеспечивать необходимый ремонт и профилактическое наблюдение за состоянием материальной части отряда».

К сожалению, эти предложения, направленные на создание единого компактного центра управления воздушными перевозками в Ленинград, не были реализованы. Имеющаяся в нашем распоряжении статистическая информация о перевозках самолетами за весь период «воздушного моста» позволяет установить количество самолетовылетов с 10 ноября по 10 декабря и с 11 декабря по 25 декабря, сравнив при этом два показателя: среднее количество самолетовылетов в день, а также средний объем доставки продовольствия в Ленинград.

С 10 ноября по 10 декабря включительно было совершено 1143 самолетовылета и доставлено 2269,7 т продовольствия, что означает совершение в среднем в день 38 самолетовылетов и ежедневную перевозку около 75,66 т продовольствия.

За следующие две недели (с 11 по 25 декабря включительно) было совершено 429 самолетовылетов, т. е. в среднем 30 в день и перевезено 869 т продовольствия или в среднем 62 т в день. Налицо существенное (почти на 20 %) сокращение поставок продовольствия по воздуху. Иными словами, в период, который описал уполномоченный Военного совета Ленфронта по воздушным перевозкам, в город самолетами в среднем завозилось более 75 т продовольствия, в то время как в следующие две недели в среднем 62 т, при том что из-за плохой погоды в течение двух дней полеты не производились. Что же касается загрузки самолетов, то и в первый, и во второй периоды средняя загрузка составляла около 2 т. Таким образом, ключевым вопросом было количество предоставленных Ленинграду самолетов и ускорение их оборачиваемости. Если первый параметр находился вне контроля Военного совета фронта (за исключением, пожалуй, содержания воздушного флота в исправном состоянии), то на второй (оперативность погрузочно-разгрузочных работ, координация с ВВС фронта) командование фронта могло и должно было влиять. В сравнении с организацией логистики по ледяной дороге это было куда проще, но, по-видимому, не было сделано.

С 10 по 30 ноября включительно самолетами, совершившими 832 вылета, было доставлено 1640,7 т продовольствия и вывезено из Ленинграда 9755 человек, а также переброшено в Новую Ладогу 1278 бойцов. Кроме того, из города в Москву вывезено 311 т грузов, включая 644 миномета. 23 и 29 ноября полеты не производились из-за плохой погоды. 14 ноября от попадания бомбы сгорел один «Дуглас», а 19 ноября в результате налета на Комендантский аэродром было уничтожено еще два самолета «Дуглас», погибло 7 членов экипажей и трое были ранены[64].

Каковы же итоги работы «воздушного моста» после пятого сокращения продовольственных норм 20 ноября 1941 г.? В фонде А. И. Микояна имеется соответствующая справка за период с 1 по 20 декабря, которая проливает свет в том числе и на количество вывезенных из города людей, а также багажа и боеприпасов. В частности, за 20 дней работы удалось вывезти 14 883 человека, 51 т боеприпасов, 211 т багажа и 75 минометов, а завезти в город 1230 т продовольствия, 11 т почты, сделав при этом 595 самолетовылетов[65].

12 и 14 декабря полеты не осуществлялись из-за плохой погоды, по той же причине всего 2 самолетовылета было произведено 20 декабря. С 21 по 25 декабря было сделано 145 самолетовылетов, в город доставлено 268 т продовольствия, 56 т горючего и 1 т иного груза, вывезено 3010 человек, а также 111 т груза. Наконец, 26 и 27 декабря было доставлено еще 36 т продовольствия. Таким образом, с 10 ноября по 25 декабря в Ленинград удалось завезти 3138,7 т продовольствия, а вывезти в общей сложности 27 648 человек[66]. Вероятно, за счет багажа можно было отправить из города авиацией немного больше людей, но вывозились прежде всего высококвалифицированные рабочие и специалисты, раненые и больные, крупные ученые, а также большая часть женского персонала ОК и ГК ВКП(б) с членами семей и ряд других привилегированных категорий, которые с пустыми руками в эвакуацию ехать не могли.

Одним из самых, вероятно, сложных решений в рассматриваемый период было постановление Военного совета об увеличении нормы ежедневной выдачи хлеба населению Ленинграда с 25 декабря 1941 г.: рабочим и инженерно-техническим работникам — по 350 г хлеба в день, а остальному населению — по 200 г. Дело в том, что к моменту его принятия не удалось создать необходимых запасов, а ежедневное потребление муки и крупы выросло до 820 т.

Аргументами в пользу этого решения наряду с желанием улучшить положение обессилевших горожан, было восстановление контроля над Тихвином и существенное сокращение транспортного плеча с Большой Земли до восточного берега Ладожского озера. Однако всего за несколько дней до судьбоносного решения оснований для оптимизма было очень мало. Так, по состоянию на 18:00 часов 21 декабря в Тихвин за всё время после его освобождения поступило 72 вагона муки и крупы. «Андрей Александрович и я очень сильно обеспокоены, — сообщал Микояну Павлов, — что такое плохое поступление может создать перебои». Он просил Микояна обязать наркоматы-поставщики и наркомат путей сообщения ежедневно доставлять на ст. Тихвин не менее 1500 т муки, 500 т крупы, 300 т мяса, 150 т жиров, 200 т сахара, что позволит «увеличить норму выдачи населению и заложить запас»[67].

Павлов просил ускорить восстановление разрушенных железнодорожных мостов между Волховом и Тихвином, с тем чтобы доставлять грузы до Войбокало, так как «тем самым будет облегчена, причем значительно, доставка продовольствия в Ленинград»[68].

Реальное положение вещей было не столь оптимистичным. В частности, в 23:25 22 декабря 1941 г. из Вологды по ВЧ сообщали о катастрофическом положении с продвижением продовольственных грузов для Ленинграда, особенно из Ярославля. По плану поставок на декабрь, из восьми эшелонов семь должна была дать Ярославская область, но с 19 декабря «ничего для Ленинграда не отгрузили». Секретарь Ярославского ОК ВКП(б) Егоров сообщил, что в Рыбинске двое суток стоял погруженный транспорт с мукой и крупой,

но железная дорога не отправляла этот транспорт. «Таким образом, погрузка и отправка муки из Ярославской области снова идет недопустимо плохо»[69].

Положение с поставками мяса было еще хуже: по состоянию на 22 декабря из Вологды в Подборовье было отправлено всего 433 т мяса, из Тамбова и Мичуринска вместо 63 вагонов было получено всего 10, а из Ярославля транспорт с мясом не был отгружен вовсе. Из запланированных из Горького двух эшелонов с маслом в количестве 75 вагонов до Вологды не получено ничего. «Имеются лишь сведения, что в подходе к Вологде находится 7 вагонов масла»[70]. Только поставки сахара из Архангельска проходили по установленному графику. Из 73 вагонов по плану в Вологду прибыло уже 58.

Очевидно, до 22 декабря, когда состоялся разговор Павлова с Микояном, ленинградское руководство оставалось в неведении относительно того, сколько продовольствия Москва (Сталин) выделила Ленинграду до конца 1941 г. Вероятно, дальнейшие расчеты были связаны с информацией, полученной от Микояна. В частности, Микоян выразил удовлетворение тем, что Павлов регулярно предоставляет ему данные о положении с продовольственным снабжением Ленинграда. Микоян далее сообщил, что он распорядился «на основании указания товарища Сталина» до конца декабря 1941 г. отгрузить Ленинграду 50 тыс. т муки, 4250 т крупы, 2100 т овса, 1200 т сахара, 3 тыс. т мяса, 700 т коровьего масла и 800 т растительного масла[71]. Примечательно, что «План завоза продуктов питания для Ленинграда» был направлен Микояном Кагановичу для исполнения еще 18 декабря с подробной ведомостью отгрузки указанных в «Плане» товаров[72]. В общей сложности в Тихвин должны были прибыть 44 транспорта с мукой, 2 транспорта с крупой, 2 транспорта с овсом, 2 транспорта с сахаром, 7 транспортов с мясом, 1 транспорт с коровьим маслом, 3 транспорта с растительным маслом.

По сути, речь шла о том, что в город в расчете на 1 день завозилось бы по 820 т муки и ряд других продуктов, которых население давно уже не получало. Однако это продовольствие надо было еще завезти и доставить до потребителя. На его пути могли встать плохая организация в работе транспорта, воровство на базах и в торговой сети. Эти вопросы заслуживают специального внимания и мы на них останавливаться не будем.

Однако ссылки на решение Сталина о выделении дополнительных фондов Ленинграду, достаточных для увеличения норм выдачи хлеба, а также деятельной помощи Микояна, который, казалось, держал руку на пульсе в деле организации перевозок и снабжения Ленинграда, сообщавшего Павлову, что «всеми наркоматами и НКПС даны соответствующие указания на места», было достаточно, чтобы пойти на весьма рискованный шаг. Микоян предупреждал Павлова о том, что в ближайшие дни будут трудности с продвижением поездов от Ярославля и Рыбинска из-за перегруженности железной дороги оперативными перевозками, но, заверял заместитель председателя Совнаркома, «я договорюсь с Кагановичем, чтобы ускорить продвижение до Тихвина находящихся

в пути маршрутов и форсировать отгрузки из Ярославля и Рыбинска. Генерал Ермолин, — продолжал Микоян, — специально занят обеспечением доставки, сам слежу за выполнением, буду Вам ежедневно сообщать о ходе, пока не образуются большие запасы питания. Вы нажимайте на увеличение перевозок по ледяной дороге»[73].

Однако вскоре после того, как наладились перевозки по фронтовой военно-автомобильной дороге по льду Ладожского озера и Военный совет фронта принял постановление о повышении норм выдачи хлеба, в Смольный пришла крайне неприятная новость — поступило распоряжение наркома гражданского флота В. С. Молокова о том, что с 27 декабря все «Дугласы» перебрасываются на Москву, хотя специального решения ГКО об этом принято не было. Попытка давления, к которому прибег А. А. Кузнецов (мол, самолеты нужны не только для Ленинграда и его снабжения, но и для отправки в Москву вооружений), вряд ли могла сработать, так как к этому времени немцев уже отогнали от Москвы и острой потребности в помощи пушками и минометами не было. Примечательно, что среди аргументов в пользу сохранения «воздушного моста» ленинградские руководители совсем не упоминали гуманитарный аспект, связанный со спасением гражданского населения, в частности детей, хотя в городе резко возросла смертность.

Желая сохранить «воздушный мост», члены Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецов и Н. В. Соловьев обратились к Г. М. Маленкову, который в течение октября–декабря был, пожалуй, основной фигурой в прямых переговорах с Ленинградом:

«1. Сегодня нам передано распоряжение тов. Молокова о том, что с 27 декабря все самолеты "Дуглас" от нас снимаются и перебрасываются в Москву. Решения ГКО по этому вопросу мы не имеем.

2. Снятие "Дугласов" без предупреждения вносит дезорганизацию в снабжение Ленинграда концентратами (масло, сыр), так как последние сосредоточены на аэродромах Подборовье, Хвойная, Кушевера. Этих продуктов в Тихвине нет.

3. Снятие "Дугласов" влечет за собой прекращение отгрузки пушек, минометов, средств связи, авиаприборов, цветного проката, идущего на нужды авиации и танковой промышленности, радиоламп для миноискателей и другого ценного имущества, не говоря уже о том, что мы лишаемся возможности перебросить из Ленинграда целый ряд специалистов.

4. Из переговоров с т. Молоковым по проводу последний заявил, что снятие "Дугласов" он производит по указанию т. Молотова.

5. Просим оставить "Дугласы" на Ленинградском фронте, тем более что ТБ-3 от нас также сняли. Всё»[74].

Можно только догадываться, какую роль «воздушному мосту» отводил Военный совет, принимая накануне решение о повышении нормы выдачи хлеба. По крайней мере Д. В. Павлов в обосновании принятого решения с ним никаких надежд не связывал. Он отмечал, что «столь ответственный акт, как

повышение расходования хлеба в условиях, когда приходилось полагаться только на текущую доставку, не имея никаких запасов на случай возможных срывов в завозе <...>, казалось, походил на прыжок с закрытыми глазами через неизвестное пространство. Нет худшей ошибки для авторитетного органа, как объявить народу опрометчивое решение, вселяющее надежды и вызывающее радость, а на деле оказаться не в состоянии его выполнить. Но этого не случилось. Расчет был верным и полностью оправдался. Тихвин твердо находился в руках советских войск... Всё зависело от организации перевозок, от инициативы и предприимчивости работников ледовой трассы. Но это уже были преодолимые трудности. Изголодавшееся население нуждалось в немедленной поддержке, физической и моральной... И если появлялась малейшая возможность, пусть даже шаткая, к улучшению питания осажденных, ею нужно немедленно воспользоваться»[75].

Безусловно, ленинградцы крайне нуждались в дополнительных ресурсах, их жизнь буквально висела на волоске. От организации перевозок зависело очень многое, но исключительное значение имело и то, какие объемы продовольствия выделит Ленинграду Москва и сможет ли она организовать его бесперебойную доставку на восточный берег Ладожского озера. Записи переговоров Д. В. Павлова с А. И. Микояном показывают, что четкого и однозначного понимания того, на что можно рассчитывать, в Ленинграде не было. 26 декабря 1941 г. Д. Павлов сообщил А. И. Микояну:

«25 декабря ввели новые нормы хлеба: рабочим 350 г, служащим, иждивенцам и детям — по 200 грамм. В городе большой подъем, многие от радости плакали. Теперь расход муки увеличился до 820 тонн в сутки, из них 260 тонн идут в счет круп.

Подвоз по ледяной дороге значительно улучшился. За последние дни возят 750–800 тонн в сутки, причем эта цифра будет увеличиваться. Запасов в Ладоге осталось 2 тыс. тонн или на 2 дня перевозок. В Тихвине запасов на 18 часов 25 декабря муки и крупы — 2080 тонн, мяса — 128 тонн... *Запасы очень ограниченные, очевидно, продвижение маршрутов идет очень медленно. Кроме того, что имеются небольшие остатки в Ладоге и Тихвине, еще угроза срыва перевозок появилась из-за отсутствия горючего* (выделено мной. — *Н. Л.*). В городе наличие автобензина всего 250 тонн или по голодной норме на полторы суток работы. В подходе от Вологды до Тихвина около 600 тонн. Генерал Миловский сообщил Военному совету фронта, что для Ленинграда стоят маршруты с горючим на станции Заборье под № 70/2416 и 70/2419. При проверке со стороны работников тыла фронта их не оказалось. Очевидно, их перехватили другие армии. Прошу Вас помочь и в этом вопросе — обязать НКПС экстренно прогнать маршруты с горючим в Ленинград наравне с оперативными перевозками, не допустив, чтобы в пути их кто-то перехватил. Еще прошу Вашего разъяснения: тов. Субботин (Наркомзаг) сегодня прислал телеграмму "Заготзерно" такого содержания, что рыночный фонд для Ленинграда на январь месяц утвержден в 18 тыс. тонн, круп — 1500 тонн, что

составляет в среднем 650 т муки и крупы в сутки. Телеграмма вызвала недоумение. Сейчас Ленинград вместе с воинскими частями при голодной норме расходует муки и крупы 820 тонн в сутки, а на январь при условии хорошего завоза нужно будет обязательно увеличить норму воинским частям и гражданскому населению. Расход в сутки составит 1300 тонн как минимум. Как надо понимать телеграмму Субботина? Прошу Ваших указаний, нужно ли моего помощника тов. Кокушкина оставлять в Подборовье или перебросить в Тихвин. Я считаю целесообразней перебросить его в Тихвин. Всё»[76].

Из этого письма следует, что решение о повышении норм с 25 декабря не было согласовано с наркоматом заготовок и ежедневный дефицит по поставкам муки и крупы на январь составлял 170 тонн. К тому же в городе оставалось бензина всего на 1,5 дня работы, что ставило под вопрос осуществление перевозок через Ладогу.

В своем ответе А. И. Микоян попытался успокоить Павлова, однако предложил особо рассмотреть вопрос о размере поставок в январе:

«Здравствуйте, т. Павлов. Можете не тревожиться насчет подачи продовольствия в Тихвин. НКПС уже ускорил движение вовсю. Вчера за 24 декабря отгружено 427 вагонов муки и крупы, из них 174 вагона по Ярославской дороге. Вместе с ранее отгруженными на 24 число в пути до Ленинграда [находятся] 1024 вагона продовольствия, из них 507 вагонов уже находятся на Северной, Октябрьской и Ярославской дорогах.

Сегодня должны грузить пять маршрутов. Все по Ярославской дороге, не считая погрузок с более отдаленных районов. Сегодня 25 [декабря] утром один маршрут с автобензином — 52 цистерны под наблюдением НКПС отправлен из Ярославля. Кроме того, дано приказание 54 армии в случае нужды взаимообразно отпустить сто тонн бензина. С завтрашнего дня пойдут другие маршруты с бензином. *Вопрос о плане расхода крупы и муки в январе рассмотрим особо* (выделено мной. — *Н. Л.*). Проверьте расчеты и дайте свои предложения. Сообщенные Вам цифры о завозе муки остаются в силе. Пока надо исходить из только что повышенных норм Военным советом. Тов. Кокушкина направьте в Тихвин. Он должен каждый день доносить мне данные о прибытии и наличии продовольствия в Тихвине.

Нажимайте на перевозку по ледяной дороге. Это главное. От нас задержки не будет. Содержание моей информации передайте Жданову. Всё»[77].

Павлов: «Вашу информацию обязательно сообщу тов. Жданову. Анастас Иванович, в прошлой Вашей информации было указано завоз крупы до конца декабря месяца 42 500 т. Это не опечатка?»

Микоян: «Надо читать: четыре тысячи двести пятьдесят».

Павлов: «Это мало. Прошу, если есть возможность, завоз круп увеличить до десяти тысяч тонн. Нужна ли какая-либо еще информация?»

Микоян: «Согласен, что мало. Мы исходили из того, что дорога больше не может перевозить. Теперь прибавим, [а] сколько, сообщу отдельно»[78].

Таким образом, объем поставок в Ленинград рассчитывался не из потребности города, а из того, сколько грузов можно перевезти через Ладожское озеро. В этом был суровый прагматизм (зачем выделять дефицитные ресурсы, которыми не смогут воспользоваться).

Павлов ответил, что «те цифры, что Вы назвали, обеспечат нашу потребность». Что же касалось работы ледяной дороги, то уполномоченный ГКО заверил Микояна в том, что Военный совет принимает самые решительные меры и улучшение доставки продовольствия произойдет в ближайшие два-три дня, что «т. Жданов лично занимается этим вопросом»[79].

К исходу декабря 1941 г. в городе практически не осталось никаких собственных резервов. Из-за плохой работы транспорта и отсутствия электроэнергии обеспечить обещанные населению повышенные нормы выдачи хлеба не удалось. В спецсообщении Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области от 28/29 января 1942 г. говорилось, что в первой половине января, кроме муки, никакие продукты питания в Ленинград не поступали. Завоз в город продовольствия начался с 16 января в размерах, не обеспечивающих полного отоваривания продовольственных карточек населения. Произведенное с 24 января увеличение нормы выдачи (400 г рабочим, 300 г служащим, 250 г иждивенцам и детям) при ограниченной выдаче других нормированных продуктов не улучшило положение населения. Вследствие этого с начала января 1942 г. катастрофически росла смертность: если в декабре 1941 г. в городе, по данным Управления НКВД, умерло 52 612 человек, то за 25 дней января умерло 77 279 человек[80]. К середине месяца в городе вовсе не осталось продовольствия. 20 января, Жданов информировал Микояна о полном исчерпании запасов сырья для пищевой промышленности[81]. В вопросах обеспечения продовольствием с этого времени городу оставалось полагаться исключительно на помощь извне.

---

1 Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Hamburg, 2002. S. 310.

2 Например, 19 сентября 1941 г. Управляющий Ленинградской конторой Главрыбсбыта сообщил, что 11 сентября в результате налета на Ленинград пострадал рыбокоптильный завод. Он вышел из строя и работу прекратил. Таким образом, город утратил возможности переработки рыбной продукции и ее длительного хранения (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 377. Л. 22). Во избежание дальнейших потерь от бомбежек горком ВКП(б) принял решение рассредоточить сырье и продукты из южных районов города, где они преимущественно находились. Было рассредоточено по разным пунктам города 23 тыс. т различных продуктов и сырья (Центральный государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 15. Д. 142. Л. 23).

[3] Только с 1 по 16 октября 1941 г. на Ладожском озере противник затопил 4 баржи, на которых находилось 1300 т муки и крупы (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 6. Л. 91).

[4] Регистрация беженцев производилась и после начала блокады. За октябрь 1941 г. в городе было прописано 82 795 человек, которые были эвакуированы в Ленинград из пригородных районов и городов Ленинградской области, а также из прибалтийских республик. При этом за тот же период из города выбыло 116 017 человек (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 9. Л. 2).

[5] Предложения об установлении норм по продовольствию в Ленинграде в условиях блокады вносились в директивные органы Уполномоченным ГКО по вопросам снабжения Д. В. Павловым, рассматривались в СНК, согласовывались со Сталиным и затем оформлялись постановлением Военного совета. Например, в ответ на предложение Павлова об очередном, четвертом сокращении норм выдачи хлеба для населения Ленинграда заместитель председателя СНК СССР А. И. Микоян направил члену Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданову и уполномоченному ГКО Д. В. Павлову шифровку «Представленные 7 ноября тов. Павловым предложения об установлении новых норм по продовольствию считаем приемлемыми. С тов. Сталиным согласовано. Можете вводить эти нормы в действие. Привет» (ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 120. Д. 798. Л. 28).

[6] Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — Архив УФСБ ЛО). Ф. 21/12. Оп. 2. П. н. 19. Д. 12. Л. 166, 231, 249.

[7] С легкой руки А. И. Микояна в литературе распространено мнение о том, что Жданов отказался от возможности завезти в Ленинград значительные продовольственные ресурсы, которые направлялись в соответствии с мобилизационным планом в западные районы страны. См.: *Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 460–461. Подтверждений этой версии в архивах Москвы и Санкт-Петербурга нам обнаружить не удалось. См.: *Ломагин Н. А.* Захватывающая эпопея Г. Л. Соболева // Российская история. 2019. № 3. С. 159–161. Более того, по данным Ленинградского горкома ВКП(б), к 1 июля 1941 г. из торгового порта было переброшено в город 58 тыс. т зерна. Часть этого зерна прибыла из портов Латвии и Эстонии, а другая часть до войны предназначалась на экспорт (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 142. Л. 15).

[8] В 1943 г. заместитель председателя Госплана А. Н. Лаврищев дал указание уничтожить секретные материалы с начала организации аппарата уполномоченного по 1943 г. включительно: «В целях разгрузки секретного делопроизводства <...> уничтожение материалов произведите в соответствии с разделом 8-м Инструкции по ведению секретного делопроизводства. Об уничтожении сообщите Госплану СССР» (Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 43. Д. 40. Л. 144).

[9] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 18. Л. 9–10, 13–14.

[10] Командир Ленинградской военно-морской базы Ю. А. Пантелеев отмечал, что до войны на КБФ были такие хозяйства, как авиация флота и Кронштадтская крепость, которые «имели годами накапливавшиеся запасы». Вследствие этого флот выделил в декабре 1941 г. для нужд населения Ленинграда 1545 т муки, 100 т жиров, 105 т сахара, 3242 т прочих продуктов, а также 3 тыс. л водки (*Пантелеев Ю. А.* О некоторых вопросах участия флота в обороне Ленинграда (1941–1942 гг.) // Ленинград и обеспечение боевой деятельности флота. 1941–1945 гг. Кн. 3. М.: Наука, 1992. С. 44).

[11] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 360. Л. 18, 23 об.

[12] Там же. Л. 19.

[13] В плане работы уполномоченного Госплана по Ленинграду и области на 1941 г. содержался перечень мероприятий по более широкому использованию местных ресурсов, прежде всего торфа, по переводу промышленности и транспорта на местное топливо, соблюдению экономии жидкого и твердого топлива, а также внедрению газогенераторного топлива. Аппарату уполномоченного надлежало провести проверку на 10 ленинградских предприятиях внедрения заменителей остродефицитных материалов и использования работ научно-исследовательских институтов и предложений рабочих. Особое значение придавалось проверке выполнения плана перевозок Октябрьской и Ленинградской

железными дорогами и разработке мероприятий по переключению грузов с железных дорог на воду, а также подготовке и проведению навигации Северо-Западным речным пароходством и Ленинградским морским портом. В плане содержался пункт о проверке выполнения плана строительства теплиц и закладки парников на тепловых отходах промышленных предприятий Ленинграда, а также о разработке мероприятий по расширению пригородного молочного и свинооткормочного хозяйства вокруг Ленинграда (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 18. Л. 25–26).

[14] Там же. Д. 57б. Л. 157–158. Эту работу в Ленинграде в указанный период провести не удалось, а с наступлением голода проблема борьбы с крысами только усугубилась из-за отсутствия кошек. В конце октября 1942 г. в связи с этим в городе был разработан комплекс мер, который включал в том числе и задачу «заготовить 1000 кошек для объектов пищевой и продовольственной сети» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 39. Л. 36 об.).

[15] 11 января 1943 г. Управление НКВД ЛО проинформировало секретаря ГК ВКП(б) Я. Ф. Капустина о том, что в соответствии с решением ВС Ленинградского от 18 октября 1942 г. Управление продторгами и «Ленглавресторан» должны были принять на хранение неприкосновенный запас продовольствия, рассредоточив его в помещениях торговой сети и общественного питания. Около 17,5 тыс. т продовольствия были сосредоточены в 670 помещениях, из которых Управление НКВД с участием представителей Санитарного надзора обследовало состояние хранения НЗ продовольствия в 65 помещениях. «Обследованием было установлено, что в 39 помещениях ввиду непригодности кладовых, несоблюдения требований санитарного надзора и непринятия своевременных профилактических мер хранимый неприкосновенный запас продовольствия был подвергнут порче и поврежден грызунами. В ряде кладовых некоторые продовольственные товары из-за плохого хранения приведены в негодное состояние». Таким образом, более половины НЗ хранилось в неподобающих условиях (Архив УФСБ ЛО. Ф. 21/12. Оп. 2. П. н. 44. Д. 3. Л. 349 — 349 об.).

[16] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 142. Л. 15.

[17] 1941 год: В 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова; вступ. ст. А. Н. Яковлева. М.: Демократия, 1998. С. 448.

[18] Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / Отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. 1. Июнь 1941 г. — март 1942 г. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2019. С. 21.

[19] Речь идет о шлюзе в Вытегорском районе Вологодской области, являвшемся частью водного пути на Северо-Западе России, соединяющем бассейн Волги с Балтийским морем.

[20] ГА РФ. Ф. Р6822. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

[21] ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 98с. Д. 341. Л. 19.

[22] Там же. Л.12.

[23] Блокада в решениях... С. 33.

[24] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 20. Л. 146.

[25] Там же. Оп. 43. Д. 99. Л. 64.

[26] Там же. Оп. 42. Д. 21. Л. 23.

[27] Там же. Оп. 43. Д. 40. Л. 6. В декабре 1941 г. секретарь горкома ВКП(б) Я. Ф. Капустин сигнализировал А. А. Жданову о крайне тяжелом финансовом положении предприятий и возможных проблемах со своевременной выдачей заработной платы. Кроме того, он отметил невнимание главков и наркоматов к работе предприятий в Ленинграде, а также внес предложения о выдаче заработной платы тем рабочим, предприятия которых были поставлены на консервацию, из расчета среднего заработка, а также о предоставлении кредитов предприятиям, у которых имелась нехватка оборотных средств с последующим получением гарантий главков и наркоматов о погашении полученных предприятиями ссуд (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5725. Л. 49–51).

[28] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 26. Л. 10, 11.

[29] Война резко изменила положение в области денежного обращения. В городах значительно выросли расходы в связи с расчетами с мобилизованными, ростом фонда заработной платы военнослужащим и работникам оборонной промышленности, выплатой пособий семьям призванных и другими чрезвычайными расходами. Дополнительные налоги и взносы в фонд обороны лишь частично компенсировали эти расходы. В целом, по итогам 1941 г. эмиссия по всей экономике СССР составила 16,3 млрд р., а денежная масса увеличилась до 34,7 млрд, т. е. выросла почти вдвое (ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 98. Д. 410. Л. 35–36).

[30] Там же. Оп. 98с. Д. 360. Л. 41.

[31] Наркомат финансов СССР 22 июня 1941 г. установил новые правила, согласно которым временно прекращалась выдача ссуд под залог облигаций государственных займов и покупка у населения облигаций займа 1938 г., а также вводилось ограничение выплат вкладов по одной сберегательной книжке в размере не свыше 200 рублей в месяц. 1 июля 1941 г. Наркомфин подробно проинформировал о применении новых норм в специальной инструкции «О порядке выдачи вкладов из сберегательных касс» (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 26. Д. 24. Л. 92).

[32] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 24. Д. 30. Л. 62.

[33] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5126. Л. 81.

[34] Там же. Л. 82.

[35] Там же. Л. 81–83.

[36] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 6. Л. 16–17.

[37] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 209.

[38] Там же. С. 211–213.

[39] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 6. Л. 23. Обеспеченность маслом составляла всего 31 день.

[40] Там же. Л. 32–33.

[41] Там же. Л. 32 об.

[42] Там же.

[43] См., например: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5738, 5758 и др.

[44] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 6. Л. 25.

[45] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 377. Л. 16, 18.

[46] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 214.

[47] РГАСПИ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 8. Л. 75.

[48] Там же. Л. 167.

[49] Там же. Д. 9. Л. 50. В октябре численность войск Карельского фронта сократилась до 130 тыс. человек, а Ленфронта, напротив, увеличилась, достигнув 497 тыс. человек. Численность Северо-Западного фронта осталась почти без изменений — 245 тыс. человек (РГАСПИ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 12. Л. 160).

[50] Там же. Д. 9. Л. 81–82; Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 220.

[51] РГАСПИ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 9. Л. 16. После того как Павлов отбыл из Ленинграда, информацию о перевозках продовольствия в ГКО передавал Лазутин. Кроме того, о продовольственном снабжении Ленинграда см.: *Микоян А. И.* Так было. С. 434.

[52] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 142. Л. 16.

[53] Там же. Л. 17.

[54] Удельный вес заменителей в продукции был исключительно большим. Так, в состав студня входили: кишечное сырье — 92 %, субпродукты — 5 %, желатин — 3 %. Растительно-кровяные хлебцы на 47 % состояли из шротовой массы, а также альбумина (19 %,) кровяной массы (15 %), картофельной муки и других заменителей (19 %). Столовая колбаса более чем наполовину состояла из кишечного сырья (60 %), мяса (35 %), картофельной муки и желатина (5 %) (Там же. Л. 18).

[55] Там же. Л. 19.

[56] Там же. Л. 20.

[57] Там же.

[58] Там же. Л. 21–22.

[59] В течение сентября–октября 1941 г. А. В. Хрулев направил 9 сводок А. И. Микояну о завозе ресурсов в Ленинград (ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 98с. Д. 360. Л. 58–80).
[60] *Микоян А. И.* Так было. С. 431.
[61] *Ковальчук В. М.* Коммуникации блокированного Ленинграда // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города / Под ред. В. М. Ковальчука, Н. А. Ломагина, В. А. Шишкина. СПб., 1995. С. 84.
[62] Авиация использовалась для поставки продовольствия в Ленинград и ранее. Еще 13 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «Об организации транспортной воздушной связи между Москвой и Ленинградом». Наряду с Особой северной авиагруппой (ОСАГ) для воздушных перевозок привлекались Особый Балтийский авиаотряд, в октябре вошедший в ОСАГ, а также Московская авиагруппа особого назначения, выделившая для этого 6 транспортных авиаэскадрилий, 3 из которых летали непосредственно из Москвы. Для прикрытия транспортной авиации были выделены три истребительных авиаполка. См.: *Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. Коммуникации блокированного Ленинграда. 1941–1943 гг. СПб., 2001. С. 57–58. Например, по данным заместителя Уполномоченного ГКО Д. В. Павлова интенданта 1-го ранга Кокушкина, на Смольнинский аэродром за период с 25 по 30 октября 1941 г. было доставлено: муки — 73 885 кг, сыра — 36 378,1 кг, масла — 11 028,9 кг, мяса — 25 633 кг (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 8. Л. 1).
[63] Ко времени написания записки Тихвин был отбит у противника частями Красной армии.
[64] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 798. Л. 20.
[65] Там же. Л. 19.
[66] Там же. Л. 19–22. В литературе встречаются разные цифры перевезенных самолетами грузов и людей, однако, по мнению В. М. Ковальчука, авиация могла играть лишь вспомогательную роль в снабжении Ленинграда (*Ковальчук В. М.* Магистрали мужества. С. 59).
[67] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 798. Л. 9.
[68] Там же.
[69] Там же. Л. 11.
[70] Там же. Л. 12.
[71] Там же. Л. 10.
[72] Там же. Л. 14–15.
[73] Там же.
[74] Там же. Л. 8.
[75] *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. М., 1969. С. 225–226.
[76] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 798. Л. 5–6.
[77] Там же. Л. 5–6.
[78] Там же. Л. 7.
[79] Там же.
[80] Архив УФСБ ЛО. Ф. 21/12. Оп. 2. П. н. 19. Д. 12. Л. 137–150.
[81] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 798. Л. 2.